

Прежде всего, должны быть выработаны единые представления о конкретных целях реформирования, которые разделялись бы большинством населения или хотя бы подавляющим большинством представителей властных структур. Кроме того, необходимо формирование нормативно-правовой базы рыночных преобразований, создание эффективной и действенной судебной системы.

Только формирование всех элементов экономической системы на основе господствующего типа собственности, отражающего установившиеся в экономике формы взаимосвязей и механизм координации деятельности между хозяйствующими субъектами, свидетельствует о завершении переходного состояния экономики и о вступлении ее в стадию развития на собственной основе

При создании новых институтов необходимо учитывать сложившиеся в обществе нормы и правила поведения людей, традиции и менталитет населения.

Экономика Беларуси, даже учитывая некоторые положительные тенденции последнего времени, все еще находится в переходном состоянии. Можно предположить, что период этот совпадает по времени с процессом трансформации экономики и формированием новой институциональной среды, как совокупности базовых социальных институтов в широком смысле, так и новых рыночных. Только развитая рыночная среда обеспечит взаимодействие всех субъектов хозяйствования на основе формирования основных рынков и их инфраструктуры.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Гайдук К.В., БГУ

Происхождение глобальной политической экономики

Глобальная политическая экономия (ГПЭ) – это очень молодая область знания. Ее происхождение можно отнести к 1970-м гг. прошлого века, когда появляется международная политическая экономия (МПЭ) как ветвь международных отношений. Первоначально, МПЭ была сконцентрирована на исследовании экономических оснований власти и влияния в международных отношениях (МО), традиционно занятых вопросами международной безопасности. Однако постепенно МПЭ расширила свой исследовательский фокус в попытке изучить «исторические структуры» в рамках которых протекает политическая, экономическая и социальная деятельность человека [1].

Первоначально, термин «глобальная политическая экономия» означал предпочтение исследования «глобального» измерения в международных отношениях в противовес собственно «международным» или «межстрановым» аспектам [2]. ГПЭ занималась реконструкцией картины «глобальной экономики», формирование которой было ускорено процессами глобализации торговли, производства и финансов. Поскольку глобализация охватывает лишь небольшое число стран, тесно связанных между собой потоками товаров и капиталов, то справедливо отметить, что «глобальная экономика» является частью «мировой экономики», которая включает в себя все страны мира. Так что ГПЭ поначалу концентрировалась на исследовании именно экономики глобальной, ее распространения в рамках экономики мировой, а также того, каким образом глобализация влияет на государства и общества, какие социальные силы являются активными протагонистами, а какие – противостоят ей.

Поскольку МПЭ также активно занялась исследованием процессов глобализации, которые носят, прежде всего, экономический характер, то термины МПЭ и ГПЭ стали часто использоваться как взаимозаменяемые. Однако это неверно по методологическим соображениям. МПЭ является областью МО, хотя и претендует на статус самостоятельной дисциплины, в то время как ГПЭ – это глубоко междисциплинарная, все еще формирующаяся область знания, причем более близкая политической экономии, нежели МО. В своем стремлении охватить другие дисциплины, ГПЭ располагается в «пограничной» зоне междисциплинарного, что весьма затрудняет формулировку неких общих ее оснований, которые бы разделялись всеми исследователями. Это делает ГПЭ междисциплинарной областью знания, а не отдельной дисциплиной или теорией.

Методологические и аналитические категории глобальной политической экономики

Поскольку ГПЭ была первоначально связана с МПЭ, то большинство современных текстов имеют тенденцию механически переносить в нее ортодоксальное разделение на школы (реализм, либерализм/плюрализм и структурализм/марксизм), существующее в МПЭ. Это вторая распространенная ошибка методологического характера. Современная ГПЭ продвинулась много дальше разделения на три школы, поскольку она впитала в себя тенденции развития социальных наук, потеряв в ходе этого свою связь с дисциплиной МО. Как результат, теоретические водоразделы в ГПЭ более не отражают концептуальную дискуссию в области МО, а образованы значительно более широким спектром проблем, сформированным дискуссиями в рамках современной политической экономии и социальных наук в целом. Это ведет к тому, что методологически ГПЭ разделяется между рационалистскими и

индивидуалистскими подходами, и именно эта дихотомия очерчивает теоретические границы на карте ГПЭ.

В настоящее время дискуссии в рамках ГПЭ ведутся по шести основным понятиям, а именно: государство, транснациональная компания, капитал, власть, труд и глобализация. Перечень аналитических категорий, конечно, более широк, однако именно эти шесть упомянутых категорий наиболее часто попадают в поле зрения исследователей [3].

Традиционно, МПЭ и ГПЭ заняты исследованием взаимодействия государства и транснациональной корпорации (ТНК). Ортодоксальная реалистская МПЭ противопоставляет их в рамках своего рода игры с нулевой суммой между «государством» и «рынком». Однако ГПЭ идет много дальше этого подхода, указывая на изменение условий накопления капитала в связи с глобализацией. ТНК оперируют в рамках того, что они называют «глобальным рынком», в котором понятия пространства, времени, расположенности и страновой принадлежности фундаментально изменились [4]. «Историческая структура» современного капитализма – это не конкурентная экономика, в которой ТНК сражаются за максимизацию своих прибылей. Современный капитализм – это капитализм альянсов, слияний и поглощений. Новые внутрифирменные отношения в рамках ТНК создают предпосылки для новых форм глобального управления (*global governance*), отодвигая государства на второй план.

Далее, ГПЭ отходит от эмпирических исследований отношений между ТНК, государством и процессом глобализацией – она связывает их с понятиями власти, капитала и труда. Власть концентрируется не только в государственном аппарате, она также плотно вплетена в ткань рынка, так что рыночная и политическая власть становятся тесно взаимосвязанными. Иными словами, власть не только традиционно «принадлежит» государству, она также и атрибут экономики, носителями которой выступают ТНК. Категории власти и капитала неразрывно связаны – как аналитически, так и эмпирически – с категорией наемного труда, практически игнорируемой в рамках МПЭ. ГПЭ заботит влияние трансформации мировой экономики на жизнь и условия труда «реальных» людей, т.е. наемного труда.

Политэкономический подход в глобальной политической экономике

ГПЭ больше связана с политической экономией, чем с МО. Разделение теории МО на три основные школы – реализм, либерализм/плюрализм и структурализм/марксизм – критически рассматривается в рамках ГПЭ. Прежде всего, реализм и либерализм трудно различимы. Хотя методологически разные – либерализм признает множественность участников МО, помимо государства и «дезагрегирует» его в попытке выявить, что же стоит за понятием «национального интереса» – они сходятся в большинстве своих заключений. Вообще,

разделение на реализм и либерализм появляется в 1970-е годы [5] как результат усилий по выработке нового подхода к МО, основанного на теории рационального выбора и принципов неоклассической экономики в целом. Позднее, сами реалисты взяли на вооружение эти подходы при исследовании «национального интереса» идентичности, тесно сблизившись таким способом с либеральной школой [6].

Структурализм также не может считаться школой в рамках ГПЭ. Он представляет собой часть более широкой нео-марксистской традиции и ассоциируется, прежде всего, с теорией мировых систем. Эта теория и порывает с ортодоксией плюрализма либеральной школы и «государственного центризма» реализма, рассматривая капиталистическую экономику как в определенном смысле унифицированную систему, в которой система межгосударственных отношений играет второстепенную, производную роль [7]. Однако это является детерминистской попыткой в анализе, сводящим мировую экономику к неравным отношениям обмена, так что все общественные отношения являются их производными. ГПЭ выходит за рамки всех трех упомянутых подходов, обращаясь к политэкономии, а не теории МО.

К какого же рода современной политэкономии обращается ГПЭ? Прежде всего, в настоящее время очень сильна утилитарная традиция, что выражается в «империализме неоклассической экономики» [8]. Неоклассические концепции оптимизации, равновесия и рационального выбора широко используются для объяснения функционирования международных экономических отношений. «Новый институционализм», построенный на теории трансакционных издержек, теории игр и стратегического взаимодействия лежат в основе современного теоретизирования. Однако обращение к такого рода политической экономии не относится к ГПЭ, а связано с развитием МПЭ, все еще сфокусированной на межгосударственных отношениях.

Обращение к политэкономии для ГПЭ заключается в принятии критической традиции, существующей в разных дисциплинах, сохранившихся в географии, истории и социологии. В противоположность ортодоксальной экономической теории, пытающейся выявить некий набор идеальных правил, необходимый для функционирования рыночного обмена, критическое направление, которое собственно и относится к ГПЭ, концентрируется на таких темах, как наемный труд, классы, власть, идеология. Пост-кейнсианство, нео-грамшистский подход, французская школа регуляции, а также нео-шумпетерианские подходы приветствуются ГПЭ как наиболее заметные составляющие неортодоксальной экономической теории. ГПЭ также включает в себя и более ранние, сделанные в рамках эволюционного институционализма, работы Веблена и Коммонса [9], а также работы Карла Полаanyi [10]. Последние получают полнокровную «вторую жизнь» в рамках ГПЭ, прослеживая формирование

глобального экономического порядка и «транснациональной гегемонии неолиберального капитализма», а также микро-сопротивление этому процессу, зреющее в транснациональном гражданском обществе [11]. Если МПЭ исключительно занята факторами экономического порядка, то для ГПЭ это лишь один из многих факторов, формирующих исторические структуры. Эти структуры не заданы раз и навсегда – они подвержены изменениям снизу, хотя и малозаметным, почти что «молекулярным». Этот уровень исследуется в рамках того, что обозначается как пост-рационалистская ГПЭ.

Пост-рационалистская глобальная политическая экономия

В рамках ГПЭ рационалистскому дискурсу был брошен вызов со стороны новых иерархий и «региональных» областей человеческой деятельности в традициях философии Мишеля Фуко [12]. Новые иерархии современного мира выходят за рамки чисто «материалистического» неравенства и эксплуатации, обусловленных экономической деятельностью человека. Такие темы, как колониализм, пост-колониализм, расизм, идентичность, гендерные аспекты постепенно прокладывают себе дорогу в рамках ГПЭ в качестве самостоятельных дискурсов, что свидетельствует о том, что традиционный конфликт между трудом и капиталом – это лишь один из многих форм выражения неравенства в общественных отношениях. В ГПЭ эти темы объединены в рамках направления обозначенного как «пост-рационализм» [13].

Хотя это направление очень молодое, но оно в полной мере отражает суть ГПЭ. Смысл состоит в том, что экономика и/или материальные интересы не являются основополагающими в каком-либо событии, процессе, той или иной тенденции, происходящих, протекающих и складывающихся на международной и/или глобальной «арене». Таким образом, ГПЭ не связывает себя только с критическим «крылом» экономической теории, она стремится к интегрированному политико-экономическому анализу, отрицающему искусственное членение общественной жизни на политическую, экономическую и социальную сферы. Аналитически, они видятся тесно взаимосвязанными в рамках «социальной тотальности».

Такого рода подход делает ГПЭ аналитически передовой областью знания, но при этом создает серьезные проблемы педагогического порядка. ГПЭ не приобретает статус теории или дисциплины, она становится неортодоксальным каркасом для анализа, методом диагностики человеческого существования как оно есть, или каким оно было, измененное экономическими, политическими и социальными обстоятельствами [14]. Таким образом, у ГПЭ нет изначально каких-либо четко установленных, принятых всеми аналитических инструментов – они вырабатываются в процессе анализа конкретной категории, события или

структуры и учитывают многообразие эпистемологических и методологических позиций современных социальных наук.

Пост-рационалистские сентенции в ГПЭ обозначают отход от рассмотрения субъектов анализа – таких как ТНК или государства – как движимых максимизацией и весьма утилитарных в своем поведении. Пост-рационализм стремится показать, что сложившийся порядок есть продукт исторических условий, что он и включает как формальную, так и неформальную сторону, а также затрагивает структуры повседневности, такие как язык, сознание, культура и т.д. В этом отношении ГПЭ сближается с новой исторической наукой [15] и перекликается с постмодернистскими нарративами [16]. Что важно для ГПЭ, так это то, как субъективность наполняет исторические условия и формирует рациональность, которые составляют своего рода скрытую от невооруженного взгляда «инфраструктуру» современного капитализма.

Общность парадигм глобальной политической экономики

Не следует представлять себе ГПЭ как распыленную область знания, где нет никаких правил или устоев, и все очень зависит от контекста. Это было бы постмодернистской ошибкой. Различные парадигмы в ГПЭ могут быть объединены. Этой объединяющей силой является отрицание методологического индивидуализма неоклассической экономической теории. Критическая политическая экономия отличается тем, что рассматривает социальные или общественные силы в совокупности, будь то социальные классы, страты – в противоположность атомизированным рационально ведущим себя индивидам неоклассической школы. Однако сторонники нового институционализма могут здесь возразить, сославшись на их исследования поведения государства, основ принятия экономических решений и разного рода экономических институтов – ведь в этом случае неоклассическая школа обращается к коллективному поведению. Однако простое применение неоклассической методологии к исследованию поведения такого института, как государство, несколько затушевывает его дуализм – новый институционализм раскрывает его внутреннюю составляющую, связанную с конкретной нацией, в то время как ГПЭ подчеркивает его транснациональное измерение, его вовлеченность в «глобальную» игру, где действуют иные нормы и правила.

В этой игре правила конкуренции не всегда действуют – например, ТНК почему-то стремятся заменить рыночные отношения своими квази-бюрократическими структурами, контролируя транснациональные цепочки производства и финансов. Слияния и поглощения, неформальный сговор, тенденция к монопольному захвату рынков – все это прямо противоположно ортодоксальной экономической теории, говорящей нам, что совершенная конкуренция и ничем не ограниченная игра рыночных сил

есть лучший механизм распределения ресурсов. Но эта логика прямо противоположна поведению ТНК.

Для ГПЭ важно оставаться на позиции преодоления традиционного разделения между национальным и международными аспектами функционирования капитализма. Для марксизма и французской новой исторической науки капитализм, начиная с его зарождения в средневековье, есть транснациональный, космополитический феномен. Экспансионистская сущность капитализма кроется в силе финансового капитала, являющегося наиболее общей формой капитала, в противоположность капиталу производительному, всегда связанного с конкретным размещением. Гегемония той или иной фракции капитала задает параметры национального капитализма [17]. Так что появления разного рода институтов представляет собой не реакцию на «провалы рынка» [18], а является формой институционализации и формализации гегемонии той или иной фракции капитала [19]. Социальные классы, будучи апологетами той или иной фракции и отстаивающие ее логику, стремятся закрепить фракционную гегемонию посредством установления границ «нормальности» для общества в целом. Однако простой детерминизм здесь снова отвергается. Государство – это не просто инструмент в руках того или иного класса, стремящегося к гегемонии. Капитализм основан на конкуренции и поддержание конкурентных отношений есть необходимое условие долгосрочного развития капитализма [20] – так что государство не только есть воплощение интересов правящего класса, оно также должно быть до некоторой степени автономным от этих интересов.

Заключение

ГПЭ представляет собой особую трансдисциплинарную область, дискуссионное поле, в котором пересекаются многие дисциплины. ГПЭ отличается от МПЭ тем, что она отходит от теоретической дискуссии в рамках МО в направлении политэкономического подхода. В рамках последнего она тяготеет к критическому «крылу», ассоциирующемуся с пост-кейнсианскими, нео-грамшистским, регуляционным и нео-шумпетерианским подходами в экономической теории, порывающими с «империализмом» неоклассической школы, развивающемся в рамках нового институционализма.

Но критическая традиция в экономическом анализе является лишь одной компонентой междисциплинарного дискурса ГПЭ. Современная ГПЭ в духе эволюционного институционализма отходит от материалистской интерпретации явлений, опираясь на межрасовые, пост-колониальные и гендерные аспекты функционирования современных обществ. В этом отношении ГПЭ идет дальше ортодоксального марксизма, где исследуется конфликт между трудом и капиталом, а все другие

конфликты есть его производные. Хотя марксистская традиция занимает центральное место в ГПЭ как вскрывающая природу и долгосрочные тенденции развития капитализма, для понимания краткосрочных и среднесрочных его тенденций необходимы эволюционный институционализм и пост-рационализм.

Литература

1. Cox, R.W. The Political Economy of a Plural World. Critical Reflections on Power, Morals and Civilisation. London, 2003.
2. Gill, S. & Law, D. The Global Political Economy. Brighton, 1988.
3. Palan, R. New Trends in Global Political Economy // ed. By R. Palan. Global Political Economy: Contemporary Theories. London, 2000.
4. Harvey, D. The Condition of Post-Modernity. Oxford, 1990.
5. Keohane, R. & Nye, J. Transnational Relations and World Politics // International Organisation. 25 (3), 1971.
6. Gilpin, R. The Political Economy of International Relations. Princeton, 1987.
7. Wallerstein, I. The Capitalist World-Economy. Cambridge, 1979.
8. Hodgson, G. Some Remarks on 'Economic Imperialism' and International Political Economy // Review of International Political Economy. 1 (1), 1994.
9. Dowd, D. (ed.) Understanding Capitalism. Critical Analysis from Karl Marx to Amartya Sen. London, 2002.
10. Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston, 1944, 1957.
11. Mittelman, J. The Globalisation Syndrome: Transformation and Resistance. Princeton, 2000.
12. Foucault, M. The Order of Things. London, 1970.
13. Murphy, C. & Tooze, R. (eds) The New International Political Economy. Boulder, 1991.
14. Strange, S. States and Markets: An Introduction to International Political Economy. New York, 1988.
15. Braudel, F. On History. Chicago, 1980.
16. Lyotard, J. The Post-Modern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.
17. Albert, M. Capitalism against Capitalism. London, 1993.
18. Bator, F. The Anatomy of Market Failure // Quarterly Journal of Economics, 1958.
19. Poulantzas, N. Political Power and Social Classes. London, 1973.
20. Van der Pijl, K. Transnational Classes and International Relations. London, 1998.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

**Давыденко Л.Н., БГПУ им. М. Танка
Грушевская Е., Белостокский университет**

Используя традиционные факторы экономического роста невозможно в полном смысле объяснить процесс экономического роста.